

Вязников Илья

Консультация

12+

Илья Вязников

Консультация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66247858

SelfPub; 2021

Аннотация

Не все советы хорошие. Особенно те, которые ты получаешь будучи в отчаянии.

Илья Вязников

Консультация

Обрюзг и плохо играет. Постарел. Так они говорят – критики – знакомые за глаза и незнакомые в лицо, пишут в своих глупых дилетантских комментариях.

«Ну и что?» – думал Баниров. – «Какое мне дело?»

Такси выехало из закрытого двора-колодца. Баниров смотрел на мокрую после проезда поливальной машины улицу. Больше всего ему захотелось оказаться под её напором воды. Наконец, очиститься, отскребать душу от этого свербящего чувства неустроенности.

Пожилой таксист, конечно, его узнал и посылал невербальные знаки в виде покашливания, прочистки горла и судорожных кивков головы в сторону клиента. За годы известности, даже славы Баниров не понял, досаждают ему это или нет.

По приезду надо будет попросить остановиться не у входа, решил он, поддавшись беспокойному порыву быть разоблачённым.

Психолог уже ждала. Улыбчивая и приветливая. Конечно, в конце сеанса попросит автограф. Чем-то она напоминала жену Банирова – Стасю, «маленькая фанатка», как он её называл, когда ещё был женат в предыдущий раз. Они действи-

тельно походили хрупким телосложением и даже слегка назидательным наклоном головы при разговоре.

Баниров прошёл в уютно обставленный кабинет и сел в кресло. На стене были яркие разноцветные сертификаты и грамоты, как бы говорящие о профессионализме их обладателя. Психолог села за стол, отложив компьютерную мышку и ручку, изъявив желание, таким образом, слушать.

– С чего начать? – неловко рассмеялся Баниров, хотя ему не было неловко, неловкость он изобразил на всякий случай.

– По телефону вы говорили, что вам надоели критики, – подсказала психолог.

– Точнее достали, – у него вспотели ладони, – а знаете, что самое неприятное? По большей части они справедливы. Я уже давно работаю без удовольствия, платят и ладно, главное мелькать лицом, так мне казалось.

– А сейчас не кажется?

Баниров пожал плечами. Он вдруг с ужасом подумал, что сможет ли сыграть какую-либо роль, любого человека, перед этим зрителем.

– Отчасти, деньги всегда нужны, – признался он.

– Почему вы берётесь за роли, которые вам не нравятся?

– Ха, всё просто, за них платят, их предлагают. Роли ментов и иже с ними сделали мне имя, этого не отнять.

– А театр?

– Я там по большей части играю свадебных генералов, во всех смыслах. Люди видят афишу театра, видят мою фами-

лию и восклицают: «А это ведь это та говорящая голова из какого-то очередного сериала, название которого я не могу вспомнить, он ещё в «Беглецах» снимался с Джоном Кьюсаком».

– Значит вы живете по течению, – резюмировала психолог, застывая в позе отличницы за партой.

Обрюзг и постарел.

– И мне это неприятно. Не знаю в чём тут дело, амплуа или успех. Может быть, я, на самом деле, посредственный актер, как писали в «Искусстве кино», которому просто повезло попасть на роль второго плана на один сезон в американский телик.

– В «Беглецах» вы были хороши, – склонила голову психолог.

– Спасибо. Можно воды?

Психолог кивнула и отправилась в приёмную. Глоток тёплой воды подстегнул дальнейший разговор. Психолог спрашивала, мягко и тактично, но Баниров всё равно чувствовал себя, как на допросе, и теребил истёртые запонки на манжетах. Они углубились в прошлое и вскоре пришли к выводу, что актёрство из самовыражения в институте превратилось в надоевшее ремесло. Однако у Банирова сохранялось чувство, что этим едва уловимым ремеслом он разучился пользоваться.

– Всё дело в таланте, – доказывал Баниров то ли себе, то ли собеседнице, – он либо есть и замылился халтурой, либо

его нет и не было.

– Вы знаете, что такого успеха, как у вас, добиваются единицы актёров.

Баниров вспомнил свой курс. Саша Оплёткин погибал в антрепризе, Вика Смуля тянула лямку тюзовского актёра у себя в Астрахани или где-то ещё, а другие... Кто-то ушёл из профессии навсегда, кто-то из жизни.

– Не знаю, доказывает ли успех что-либо кроме силы удачи, – решил стоять на своём Баниров.

– Виктор, – вздохнула психолог, метнув взгляд в телефон и на часы, – вы рассказывали, что участвовали в шабаше.

– Да, а что? Чёрная магия, но ничего такого, в жертву мы принесли пойманную в мышеловку мышь. Она даже скончалась до конца обряда.

– Обряд сработал?

Баниров усмехнулся.

– Трудно сказать, я это больше рассматривал, как аутоотренинг. Настроишь мозг на успех и рвёшься к нему. Впрочем, мне тогда действительно повезло попасть на пробы в Старый Театр, – сказал он, добавив уже удручённо. – Где я до сих пор и торчу.

Неожиданно психолог схватилась за горло и закашлялась, чуть не уронив опустевшую чашку кофе.

– Будьте здоровы, – сказал пациент.

Она кивнула, вышла промочить горло.

– У меня для вас предложение, – сказала она, вернувшись

с поправленной причёской и протягивая визитку, – обратитесь к этому человеку, быть может, это то, что вам нужно.

«Т.О. Искушев», – было написано на карточке, внизу был московский городской телефон.

– Кто это?

– Консультант, – сказала психолог.

Он перевернул визитку и увидел лаконичную надпись «консультант личностного роста».

– Мне кажется, вся ваша проблема в самоуважении, он поможет вам.

– А вы?

– Не мой профиль.

Баниров театрально покосился на дипломы и сертификаты в рамочках. Ему не нравилось, что его отсылают, когда он сам через знакомых вышел на этого психолога. Все её хвалили, а она отказывается от него сразу же на первом сеансе терапии.

– Почему вы спросили про тот обряд, с мышью? – наконец спросил он, чувствуя, что не справился с задачей даже здесь, сидя в кресле.

– Многие находят его методы эксцентричными.

– Эзотерик?

– Не совсем, – уклонилась психолог.

– Может быть, вы всё-таки сами возьмётесь за меня? Мой друг Миша Капустин очень вас нахваливал.

– Михаил переживал развод, а семейные и постсемейные

проблемы, как раз, мой конёк.

С чувством обмана он покинул кабинет и тут же набрал номер на визитке.

Днём он просидел в интернете, сдерживаясь, чтобы не искать отзывы на свою работу. На вечер была намечена репетиция в театре, Баниров позвонил режиссёру и сослался на болезнь.

– Да, я болен, болен плохими ролями и плохой игрой, – сокрушался он, лёжа в кровати рядом с женой.

Стася ткнула его локтём под рёбра.

– Думаешь, будет совсем глупо довериться этим людям? – спросил вдруг он, поворачиваясь на бок.

Супруга оторвалась от какого-то очередного своего детектива.

– Тебе решать, но не забывай думать головой, – сказала она.

Со вздохом Баниров откинулся на подушку. Как можно хорошо думать тем, что находится в такой позорной зависимости от слов незнакомых людей?

Офис Т.О. Искушева находился на последнем этаже двенадцатиэтажки, оживлённой суетой расположившихся здесь всевозможных организаций. Баниров надел чёрные очки и глубже погрузился в высокий воротник бежевого плаща. Нужная дверь с золотыми буквами на табличке была в конце длинного коридора. Ухватившись за ручку правой рукой,

Баниров вскрикнул. Пальцы пересекал тонкий порез, кровь постепенно проступала на коже.

– Что за чёрт?

Дверной замок щелкнул, и показался высокий молодой брюнет в круглых очках. Одет он был официально: чёрный костюм, синий галстук. Лицо выражало крайнюю степень деловитости.

– Господин Баниров?

– Что у вас с ручкой? – возмутился посетитель, показывая свои окровавленные пальцы.

Молодой человек не ответил, отступив в сторону.

– Прошу. Меня зовут Иван Ремизов, я представляю господина Искушева.

– А где он сам? – спросил Баниров, проходя в небольшую светлую приёмную с мягкими диванами.

Ремизов скованно кивнул в сторону вишнёвой двери.

– Прежде чем продолжить, Виктор, мы должны предварительно заключить договор, – сказал он и сел за пустой секретарский стол.

– Если честно, я не совсем понимаю, какие услуги вы мне предоставите, Иван.

– Помощь в жизни и в карьере, – обтекаемо выразился Ремизов.

Из ящика стола он достал коробочку с отделениями для таблеток и положил на зелёное сукно перед собой.

– Верится с трудом, – произнёс Баниров, сжимая поранен-

ную руку.

– Понимаю, Виктор, поэтому предлагаю вам особо выгодные условия. Мы с вами приходим к предварительному согласию на оказание услуг, а об оплате договоримся после.

– Каких услуг? – с нетерпением спросил Баниров.

– Консультирования, Виктор. Смотрите, я так понимаю, у вас психоэмоциональные вопросы, связанные с профессиональной реализацией, – на одном дыхании сказал представитель.

«Как робот», – подумал Баниров.

– Спасибо, я уже реализовался.

– Прошу прощения, если я не корректно выразился.

Они помолчали некоторое время, Баниров отвёл взгляд в сторону окна.

– А как будут проходить консультации? – спросил он.

– Это вам лучше обсудить с самим господином Искушевым, если вы согласны?

– Допустим.

Баниров знал, что согласится, хотя ему не удалось навести никаких точных справок, кроме рекламы в интернете.

– Отлично! – хлопнул в ладони представитель и, подхватив коробочку, в два шага добрался до актёра.

– Что это?

– Обязательное условие для продолжения. Здесь две таблетки, – он открыл коробочку, – точнее одна пилюля и леденец под язык.

– Эксцентричные методы, – рассмеялся Баниров. – Наркотики?

– Обезболивающее, – сказал Иван, покосившись на порезанную руку. – Нет, это не клофелин.

– Так что же?

– Обязательное условие.

Баниров зло схватил пилюлю, услужливая рука уже преподнесла стакан воды. Леденец следом отправился куда положено. Во рту стало сладко.

Представитель кивнул и сразу как-то расслабился, его движения стали более походить на живого человека, чем на робота. Он беззвучно скрылся за вишнёвой дверью. Баниров сидел, слушал тиканье больших белых часов и удивлялся сам себе.

Неужели я настолько отчаялся?

Леденец мешал думать, не выдержав, Баниров подцепил его зубами, зажал и раскусил. Тут же скривился и закашлялся. Во рту был вкус крови. Ощупав языком дёсны, раны он так и не обнаружил.

– Вас ждут, – произнёс Ремизов, стоя у двери.

Посмотрев на него с подозрением, Баниров прошёл в кабинет. На круглом по виду мягком ковре стояли два бордовых кресла друг напротив друга. Т.О. Искушев стоял в двух шагах вполоборота в строгом коричневом костюме. По его щеке шёл длинный шрам до уха. У Банирова сердце забило бой, когда шрам разошёлся и показался широкий толстый

язык в обрамлении кривых зубов.

– Рад, рад, – сказал консультант, повернувшись лицом.

Впрочем, лицом это можно было назвать отдалённо. Носа не было как такового, рот начинался у одного уха и заканчивался у другого, глаз был один, как у циклопа, по центру, налитый кровью, розового цвета ногтя.

Актёр отпрянул, свернув со столика у стены кипу бумаг и кофейные чашки, дёрнулся к двери, но та была уже закрыта. Хрипя, вместо крика, Баниров вжался в дверной косяк. В голове было пусто, нечеловеческое лицо консультанта выбило оттуда всё.

– Сядем? – предложило чудище.

Искушев обошёл кресло и сел, в руках он держал чашку с дымящейся густой жидкостью.

– Слышал о вашей проблеме, Виктор Никитович, – продолжил он глубоким голосом, – и, как поклонник вашего таланта, я честно признаюсь, что пересмотрел все серии «Беглецов» с вашим участием и ту дополнительную серию, где вы были уже приглашённой звездой, не мог со спокойным сердцем отнестись к вашим проблемам.

Разум начал возвращаться к Банирову. Он слегка отлепился от косяка, поняв, что это смешно и глупо. Ещё он отметил, что не верит ни единому слову этого существа.

– Вы творческий человек, понимаю, тонкая душевная организация...

– А вы? Человек?

Лицо консультанта исказила жуткая улыбка.

– Моему помощнику по телефону вы сказали, что психолог вам диагностировала, если можно так сказать, проблемы с самооценкой.

– Да, – пропищал Баниров.

Мысли одна страннее другой заполняли образовавшийся от шока вакуум в мозгу. Это уродство? Такого не бывает. Меня опоили наркотой? Ну, конечно! Такого с Баринным никогда не было, разве что от грибов. Он уже и забыл каково это.

– Не волнуйтесь так, Виктор, мы со всем справимся. Вместе. Я помогу вам, более того, я уже помог вам, а вы можете мне, тем более требуемая от вас услуга вам будет как раз по плечу. Кофе?

Решив больше ничего в этом клятом офисе не принимать, Баниров покачал головой. Существо тем временем, высунув шершавый язык, начало лакать из своей чашки. Огромный розовый глаз неотрывно смотрел на Банирова.

– Итак, – отставив выпитую наполовину чашку и хлопнув по коленям, сказал Искушев, – приступим. Мне кажется, вам не хватает новой интересной работёнки для вашего нового раскрытия. Что ж, есть пара предложений.

– Каких?

Неизвестно откуда в руках Искушева появилась затёртая папка.

– Посмотрите, – протянул он папку. Баниров обратил вни-

мание на сморщенные руки консультанта и острые черные когти, как на куриных лапах.

Так как Баниров не пошевелился, консультант встал сам и подошёл ближе, источая запах нашатыря. Засунул папку в трясущиеся руки.

– Здесь один сценарий и пьеса. Я предлагаю вам роль антагонистов. Это совсем не тот русский мафиози, которого вы играли в «Беглецах», благородный и беспощадный. Не-ет! О пробах не беспокойтесь, вы уже утверждены, если согласны. О деньгах тоже.

– Мне ... нужно прочитать.

– Читайте-читайте.

Искушев застыл неподвижно, видимо, собираясь тут же дожждаться прочтения.

– Дома, – сказал Баниров.

– Но вы согласны? Мы достигли его? Соглашения? Моя услуга вам – поставлять роли нового для вас амплуа. По моему глубокому убеждению, это решит во многом ваши экзистенциальные проблемы.

– А оплата?

– Для меня оплата – это ваше согласие плюс небольшое моё вознаграждение на, так сказать, представительские расходы, знаете, аренда нынче подорожала, которое можете выплачивать после получения гонорара.

Баниров чувствовал, что сети обмана опутывают его, как будто бы ему предлагают вложиться в финансовую пирами-

ду. И всё же.... Открыв папку, он увидел договор на съёмку с почасовой оплатой по первому эшелону.

«Ужасный, во всех смыслах, искушитель», – подумал он.

– Что скажете? – спросил Искушев.

Актёр беззвучно кивнул.

– Сочту за да, – рассмеялся консультант.

– Всё равно я не понимаю, как такое может быть.

– Всё просто – это капитализм. Я вам, вы мне, – Искушев дружески похлопал Банирова по плечу.

«Тяжёлая рука», – подумал Баниров и тут же: «Это не сон».

Консультант провёл под руку Банирова и посадил в кресло.

– Может всё-таки кофе?

– Нет-нет, – покачал головой Баниров.

– Тогда подпишем бумаги, – весело кивнул консультант, – внимательно прочтите.

Два экземпляра договора упали Банирову на колени. Он вчитался в деловой текст, долго не мог сосредоточиться, но в конце концов не нашёл никаких уловок. Получалось, что оплата Т.О. Искушеву была вообще жестом доброй воли, а не юридическим обязательством.

«Это ещё один глюк», – подумал Баниров.

Искушев параллельно подробно ещё раз пересказал условия договора. Он мутил воду, перемешивая монолог именами знаменитостей и светскими событиями, как будто был их

непосредственным участником. Часть этих историй Баниров знал и подметил, что Искушев слегка, но удачно и в точку привирает.

Под пристальным взглядом розового глаза он поставил подпись на договоре со смешанными чувствами. Искушев кивнул, улыбаясь, как болотная жаба. Его резкая неразборчивая подпись стояла в нужном месте с самого начала.

– Читайте скорей и звоните на студию, – сказал он прежде, чем пожал руку актёру.

В себя Баниров пришёл в приёмной, лёжа на диване. Со стоном он поднялся на ноги. В голове был лёгкий туман, как после небольшой попойки, однако, он всё помнил. Искушева и его жуткий глаз, и пасть вместо рта, и подписанный договор.

За столом секретаря никого не было. Комната за приотворённой вишнёвой дверью пуста. Два кресла стояли на своих местах. Ни раскиданных по полу бумаг, ни грязной чашки кофе, ничего. Однако папка со сценарием лежала на диване, тут же был и договор. Баниров опять его перечитал и не нашёл никакой ловушки.

Взглянув на прощание на золочёную вывеску с инициалами консультанта, Баниров усмехнулся и проговорил: «Товарищ Искуситель».

Сценарий назывался «По добру, по больному», роль Банирова была выделена красным «Ч.Чета, сутенёр».

– Хм, – издал звук Баниров, удобнее устраиваясь в любимом кресле.

Он сидел дома в своём кабинете, закрывшись от всего внешнего мира. Ч.Чета оказался порядочной сволочью и наркоманом. Банирову стало не по себе, такого он никогда не играл, и всё же цифры обещанного гонорара говорили сами за себя.

– Этот Чета убивает, крадет и продает людей, – говорил Баниров, позвонив режиссёру. – Я согласен, если вы во мне уверены.

– И не я один, – отвечал молодой голос.

Параллельно Баниров стал репетировать спектакль «Сильные мира сего» в блуждающей труппе, у которой деньги на постановку могли появиться только после ограбления банка или выигрыша в лотерею. Его герой стравливал членов своей семьи ради наследства и какого-то эстетического удовольствия. Баниров был рад поработать с новыми людьми и в основном молодыми, он купался в их жадных взглядах, впервые столкнувшись со знаменитостью так близко. Времени свободного оставалось мало и в театре пришлось взять отпуск за свой счёт, чему Баниров был даже рад. Он забрал свои вещи из гримёрки, не испытывая сильного сожаления.

– Я так рада, что ты работаешь, но ты и дома не бываешь, – корила его теперь Стася.

Баниров отмахивался. Сомнения на счёт выбранных Искушевым ролей постепенно ушли, более того, после прав-

дорубов эти мерзавцы стали ему нравиться. Их грехи, страсти, предельный эгоизм были понятны, даже близки. Тем более новые роли удавались, он чувствовал это.

Раз в две недели он созванивался с представителем Искушева. Иван заваливал средними предложениями, пока не добрался до главного – кастинга на «ЭйБиСи» в Нью-Йорке через несколько месяцев. Вновь проснулась мечта вернуться в Америку, быть может, попасть в число номинантов какой-либо художественной гильдии. Чем чёрт не шутит – самой Эмми!

– Надо подучить язык, – решил Баниров и записался к симпатичному репетитору из Московского университета, которую посоветовал Ремизов.

Прошло полгода. Съёмки «По добру, по больному» давно кончились, спектакль тоже вышел на одной съёмной сцене. Его имя, как всегда, было по центру афиши. После премьеры Баниров вместе с труппой завалился к режиссеру в пентхаус. Ночью домой он уже не вернулся, утонул в глазах фанаток-актрис, до сих пор, не уверовавших в то, что он сыграл вместе с ними. Как ни странно, мнение критиков Банирову стало к тому моменту неинтересно, тем более зал был полным, овации гремели, билеты продавались.

Каждый вечер после спектакля он надирался в баре и ехал к одной из актрис. Чувство вины перед женой постепенно отступило, так или иначе, она была всего лишь последней

затянувшейся интрижкой.

«Да? А ещё недавно, кажется, была любовь?» – думал, бывало Баниров, возвращаясь, домой под утро совершенно обессиленный.

Следующим проектом стала роль продажного адвоката в судебной драме для онлайн-кинотеатра. И вновь герой Баннирова пил, принимал препараты и материл окружающих, оставаясь для всех близких и коллег добропорядочным и честным парнем. Обаяние адвоката было настолько велико, что Баниров стал и в жизни пользоваться его словечками.

– Кто автор этого сценария? – смеясь как-то на вечеринке, спросил он у очередного режиссёра в претенциозном шарфе.

– Я, – замешкавшись, ответил, тот.

Баниров засомневался, но ему было плевать. Домой он вернулся только на следующий день, было пусто, не оставив записки, Стася съехала. Внезапно актеру стало очень тошно. Он набрал номер режиссёра с шарфом и спросил, нет ли у него чего расслабляющего.

Следующие недели он плохо помнил, перемешивая работу и кутежи. Его вялое состояние на утро как раз подходило к роли борющегося с приступами тошноты и гнева адвоката. Единственное, что Баниров пытался сохранить – это репетиторство. Американский экран всё ещё манил его, а язык отказывался поддаваться. Каждое занятие начиналось с недовольного вида репетиторши из-за опоздания своего звёздного ученика. Однако предлагаемый сценарий ему не нравил-

ся. Шаг назад – так он считал. Опять положительный герой, хватающийся за возможности честного заработка, эмигрант с характером, стержнем. Его больше привлекал главный герой, торгующий краденными машинами.

За неделю до кастинга он неожиданно для себя согласился на предложение Антона, того самого режиссера в шарфе, мотнуться «для атмосферы» в Швейцарию. Горы он не запомнил, окунувшись в мир квартала танцовщиц Цюриха. То, что кастинг уже прошёл, он сообразил, сидя в самолёте в Москву. Пропущенные вызовы громогласно извещали о тех, кого он подставил. Выпив коньяку, он решил не встречаться с Антоном во время полёта и заснул тревожным сном.

Во сне самолёт упал, а знаменитый русский актер Баниров В.Н. погиб, в реальности всё прошло менее драматично, хотя чувствовал себя Баниров ужасно. Раздавленная мечта страшной тенью опустила на его разум и душу. Накупив в дюти-фри коньяка, он заперся в пустой и холодной квартире.

– Как же такое ... как ..., – вопрошал он у самого себя в огромном зеркале.

Лицо осунулось, заросло щетиной, под глазами выросли мешки величиной чуть ли не с пробку от бутылки. Неужели это всё ещё он?

Зазвонил телефон.

– Да?

– Здравствуйте, Виктор, как ваши дела? – официальным

тоном заговорил представитель Искушева. – У меня есть еще одно интересное для вас предложение.

– Позови своего начальника.

– Зачем? Мы, кажется, условились...

– Позови!

– Давайте я вам перезвоню. До свидания, Виктор.

Рассвирепев, Баниров швырнул трубку в окно. Она разлетелась на куски, оставив на стекле трещину.

Только сейчас актёр стал явственно понимать, что его роли его же и сожрали. Разбитый телефон приглушенно загудел вновь.

– Итак, – сказал проникновенный голос, – вы хотели поговорить?

Баниров не слышал консультанта уже несколько месяцев и немного опешил.

– Я пропустил пробы.

– Знаю. Ничего страшного, тем более, мне кажется, эта роль не для вас, Виктор.

– А какая роль тогда для меня? – рассердился Баниров. – Бандита, вора или сутенёра?! Из-за них я и ...

Он хотел сказать «стал таким же», но осёкся.

– Вам ведь нравились и нравятся эти персонажи.

– Нет, – слукавил актёр.

– Тем более они у вас отлично и гармонично выходят.

«Что есть, то есть», – подумал Баниров, однако мириться с этим сейчас не собирался. Эти тёмные личности захватили

его, да, но он ведь не такой! Он хороший, пусть и грешный человек. Перед глазами стояло миниатюрное личико Стаси.

– Я ... я не хочу больше таких ролей.

– Каких таких? – смеялся Искушев. – Хороших?

– Грязных.

Ему не терпелось залезть в ванну прямо в потрёпанном костюме.

– Это ваша работа, Виктор Никитич, забыли? Ради неё вы учились и поднимались к звёздам, тем более вам за неё хорошо платят. Давайте так, следующие два проекта я предоставляю вам бесплатно, а в последующем мой процент будет снижен, к примеру, на треть.

Искушает! Опять! Впрочем, это правильный деловой подход. Одни двери закрылись, значит нужно стучаться в другие. Да и роль в том американском сериале была неинтересная... Стоп! Баниров тряхнул головой.

– Искушев, вы можете предложить мне роли, где не будет инцестов и подобной дичи? – спокойно спросил Баниров.

– Могу, а вы хотите такую работу, честно?

«Может быть, не хочу, но хотеть надо», – ответил сам себе Баниров, – «Иначе прощай самоуважение, которое я и хотел поправить».

– Значит, нам, думаю, не мешает взять паузу, – сказал он.

В трубке по-детски хихикнули.

– Это вряд ли, – ответил Искушев.

– С чего бы?

– Договор, мой дорогой Виктор.

– Я его разрываю, неустойка вам не положена, консультации ваши мне не нужны, – твёрдо сказал он, добавив скорее для себя. – Имею право.

Прежде чем отключиться, ему послышалось два слова:

– Не имеешь.

Первое письмо из жёлтой бумаги с подписью «Т.О. Искушев» появилось под дверью уже вечером. Непрочитанным оно отправилось в помойку. Следующее было в почтовом ящике. Баниров отправился за минералкой и, вернувшись, вновь обнаружил пухлое письмо на дверном коврике. Точным ударом он отфутболил его на этаж ниже.

Утро следующего дня началось с курьера, доставившего всё тоже жёлтое письмо. Баниров обматерил юношу и хлопнул дверь. Он намеревался купить новый телефон – старый окончательно перестал работать – и передумал. Что-то ему подсказывало, что там много пропущенных. Окончательно его доконала соседка, точнее их горничная в переднике и с бриллиантовыми серёжками, сообщившая, что Банирова из сто второй просят к телефону. Он попросил её вызвать такси, собрал небольшой чемодан и вышел на улицу.

– Вас спрашивали, Виктор Никитьевич, – сказал старенький консьерж перед входом.

– Кто?

– Молодой человек, на поклонника не похож, такой официальный. Он оставил свою визитку, возьмите.

– Нет, не надо, выбросьте.

В стеклянных дверях ему показался Иван Ремизов, только ужасно худой, как люди на тех ужасных фотографиях во времена голода. Глаза и щёки впали, кожа обтянула череп, скулы страшно выдавались вперед. Видение было мимолётное. Машина его уже ждала.

Тёща на порог его непустила, сообщив, что дочери у неё нет. Помявшись у двери дома на краю подмосковного посёлка, он сел в такси и поехал в гостиницу. Планов не было, только привести мысли в порядок и чтобы никто не мешал...

Таксист, молодой парень, то и дело поглядывал на пассажира сзади.

– Опять, – закатил глаза Баниров. – Что? Узнали? Разрешите фото?

– Вы Баниров?

– Бинго! – хлопнул он в ладоши.

– Мне сейчас звонит диспетчер и спрашивает вас, говорит, вас кто-то ищет, – ответил таксист. В его глазах и близко не было узнавания.

– Что за ерунда!

Ему привиделся розовый пульсирующий взгляд.

– Не говорите ничего, выйду у метро.

Выйдя из машины, он забыл о мерах предосторожности и забежал на станцию без поднятого воротника пальто. Его узнали, пока он стоял в очереди. Школьники с разноцветными рюкзаками приветливо замахали. Две женщины уже явно

намеревались налететь на кумира для фотографий. Эскалатор он преодолел, перепрыгивая ступеньки. Громкая связь рекламировала новый сериал с его участием. Краем глаза он опять заметил мертвецки бледное лицо Ивана.

– Я схожу с ума, – прошептал Баниров и понял, что хочет забыться как можно раньше и как можно сильнее.

Полупустой поезд увёз его в центр города. Приличную гостиницу найти было несложно. Портье узнал его, и Баниров соврал, что забыл паспорт дома. Уже из номера с видом на Тверскую он начал звонить знакомым, переговорил с юристом.

– Мы сможем подать гражданский иск за преследование, как минимум, – сонно говорил юрист. – Если вам не показалось.

– Не показалось!

Его бесило, что его слова подвергаются сомнению. Не успел он положить трубку, как снова раздался гудок.

– Виктор?

– Да.

– Мы закончили на договоре, – говорил Искушев. – Позвольте...

– Слушай сюда, отвали или я тебя в порошок сотру!

– Этого я вам не советовал, – засмеялся Искушев.

– Всё! Разговор окончен!

Он отправился в душ, затем оделся и решил выпить в баре на первом этаже. Под дверью лежало знакомое письмо. Ба-

ниров разорвал его со злостью и страхом. Забрав деньги и карту, он покинул отель.

– Вас к телефону, господин Баниров! – успел крикнуть портье.

Начинался дождь, окрасив серую улицу в более глубокие и насыщенные тона. Он бежал по лужам, не щадя итальянских брюк, постоянно озираясь. В ушах звучал глубокий баритон Искушева вперемешку с официальными монологами его представителя. Шум улицы лишь слабо приглушал их бурчание. В подземном переходе играла уличная группа, два сакса и клавишник. Их незатейливые джазовые обработки попсы помогли вернуть контроль над головой. С трудом, но Баниров смог сообразить, где находится. В висках он чувствовал покалывание, как от онемения. Люди его узнавали и оборачивались. Одёрнув воротник, он побежал дальше во тьму перехода.

Зажглась красная вывеска подземного магазина, Баниров шарахнулся от неё, словно ошпаренный. Красное мигание упало на изможденное лицо.

– Пончики, – прочитал он вывеску, усмехнувшись невольно. – Я испугался пончиков.

Нужно было что-то делать. Прижавшись к стене из грязного кафеля рядом с лестницей из перехода, он сильно задумался. Тут во всём была чертовщина. Так не бывает и так не может быть! Как не может быть такого лица, как у Искушева. Полиция здесь не поможет, только отправят на освиде-

тельствование. Церковь? Возможно, но к кому обратиться. Сокрушённо Баниров понял, что ни к кому из друзей и приятелей с последних съёмки и приёмов он обратиться не может. По большому счёту он никогда и не доверял этим всем Антонам. Нужно было решить вопрос самому.

Двенадцатиэтажка мрачно стояла на фоне тёмного серого неба. Баниров со злостью сжимал кулаки в карманах, нестриженные ногти больно впились в ладони. Он понимал, что поступает глупо. Также глупо, когда решил, что кто-то сможет спасти его чудодейственным советом или особым правилом жизни. Прийти сюда было ошибкой, но он успокаивал себя, что даже если он не избавится от этого назойливого консультирования, то по крайней мере здесь и сейчас он принимает ответственность за свои поступки. Баниров зашёл в лифт и поднялся, подошёл к крайней двери на этаже, не замечая людей, собирающихся домой в соседних офисах. Вывеска была на месте, дверь закрыта. Баниров посмотрел в замочную скважину и в щель под дверь. Светло. Разбежавшись, он высадил дверь плечом. Позади вскрикнули.

Пусто. Баниров обшарил секретарский стол и нашёл не пишущие ручки, сломанные карандаши и обрывки бумаг. Всё покрыто пылью. Вишнёвая дверь была не заперта. Кресла стояли у стены. Баниров встал по центру ковра и застонал. Дверь в приёмной хлопнула, слышались неспешные шаги. Баниров подбежал к креслам, затаившись за подлокотники.

ком и сжимая в кулаке ручку.

Показалась синяя рубашка охранника. Оттолкнув его, Баниров выбежал в коридор и, перепрыгивая ступеньки, весь в мыле сбежал вниз. В пустой, освещённый жёлтым светом холл входил Иван Ремизов в неизменном чёрном костюме. Благо с нормальным человеческим лицом. Быстрыми отрывистыми шагами направился к застывшему и тяжело дышащему Банирову.

– Отстань!

– Договор в силе, Виктор, давайте поговорим.

Актёр дернулся в сторону. Руки Ивана обвисли, стали похожи на толстый канат, удлинились, устремившись к беглецу. Баниров уже не паниковал. Он заметил рядом огнетушитель, прикованный к стене, схватил его за ручку и обрушил на канаты телесного цвета, тянущиеся к нему. Глухой мягкий удар. Перехватившись, он направил струю пены в вытянувшееся лицо представителя. Тот, молча, отряхнулся, пропустив удар огнетушителем в район, где должен быть нос.

Внезапно его фигура стала расти, плечи расширились, вместе с пиджаком, закрыв собою круглую лампу под потолком. Лодыжки со страшным треском вытянулись из лакированных туфель. Лицо Ивана исказилось, его челюсть ходила ходуном, издавая не то ругательства, не то нечто нечленораздельное. Баниров отступал к схеме здания с номерами офисов, вытаращив глаза. Руки-канаты вновь слева и справа устремились к актёру, словно захлопывающийся капкан.

Ногти стали похожи как у Искушева – неприятные, длинные, острые. Баниров упал лицом в пол. На голову ему посыпались ошмётки от располосованной карты.

Почему вокруг никого, подумал Баниров. Как же много он сейчас отдал бы за случайную встречу с фанатом.

Оттолкнувшись от холодного пола, Баниров рванул к выходу, перепрыгнув через переплетение рук без единой кости. Позади невнятные проклятья заглохли, сменившись шлёпающими шагами. В дверном отражении Баниров увидел, что Иван вновь стал похож на человека. Выскочив на улицу, он сразу перелез через ограждение и выбежал на дорогу. Гудение клаксонов и мигание фар вернули его в реальность.

«Только бы добраться до разделительной», – пронеслось в голове.

Длинные, словно щупальца, пальцы обхватили правое плечо. Баниров дёрнулся. Его ослепил столб белого света и оглушил страшный скрежет. Следующего момента он не помнил, придя в себя уже лежащим на асфальте с тяжёлой головой и недвижимым телом. Сильно ощущался запах жжёной резины. Впереди были двери в офисное здание, из которых выбегала толпа зевак, многие снимали.

«Опять съёмки», – подумал Баниров.

У вставшей под углом к движению на дороге машины – Баниров вскоре понял, что это такое – лежала черная куча одежды, лакированные ботинки были неподалеку. Водитель жёлтого такси со страхом и отвращением смотрел на эту гру-

ду одежды и костей.

Кто-то ощупывал Банирова. Он застонал, и тут показалась женщина в чёрных роговых очках. Ему что-то говорили, а он кивал и кивал. Что-то про скорую и зачем они выбежали на проезжую часть.

Скорая помощь добралась достаточно быстро. И в первый момент Баниров очень испугался красного круглого мигающего фонаря на её крыше, прежде чем окончательно отключился.